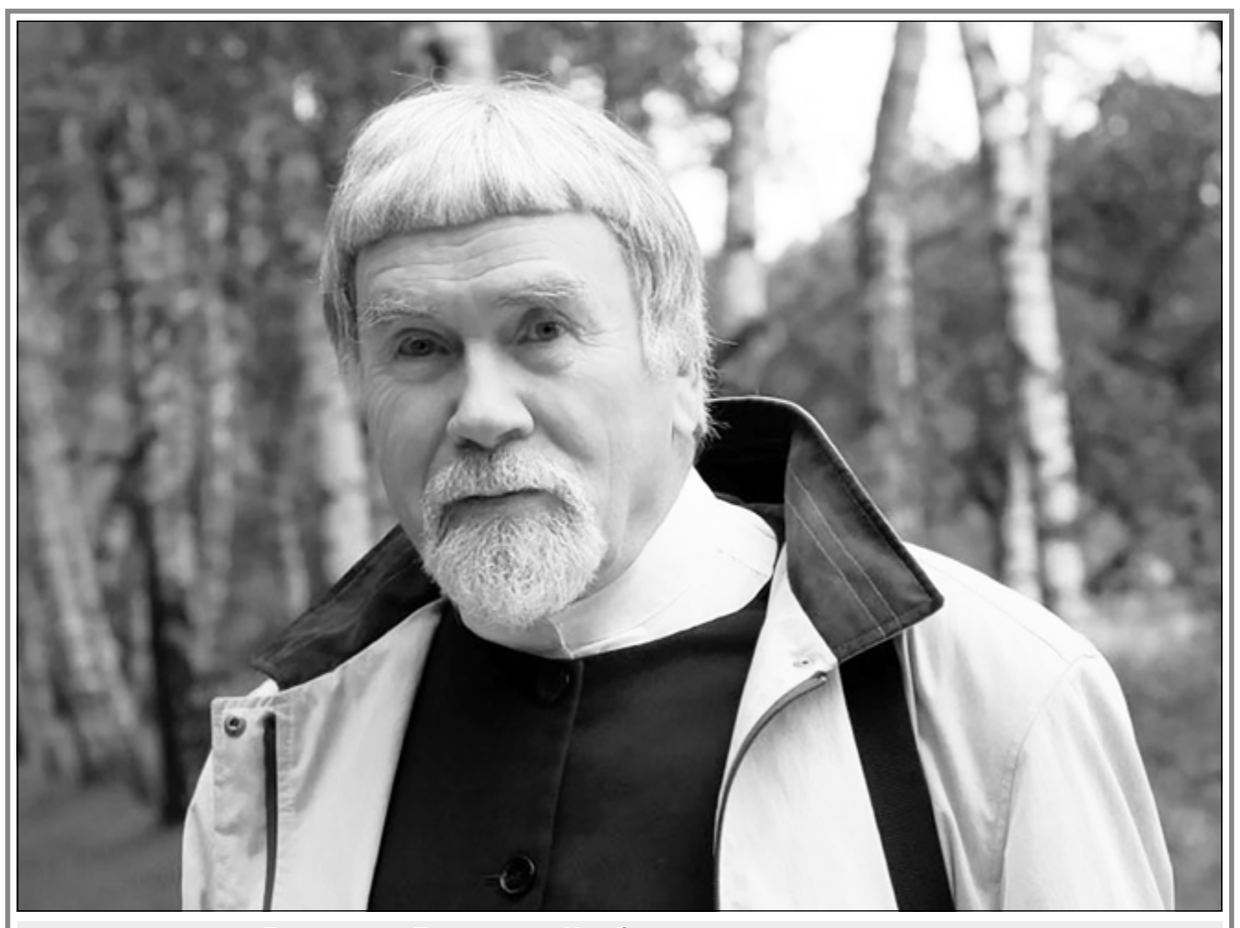
ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

МАРТ 2021 г. ● № 3 (289) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России



Валентин Яковлевич Курбатов *(29.09.1939 – 6.03.2021)*

16 марта до нас дошла скорбная весть *о скоропостижной смерти нашего автора, известного критика Максима Ершова (5.03.1977-16.03.2021).*

Нет слов, чтобы выразить глубочайшую печаль по поводу того, что мир этот оставил поэт и критик, в последние годы набиравший силу и зрелость, чтобы стать одним из крупнейших аналитиков русской современной литературы. Его критическим размышлениям по поводу значимых событий литературного мира мы радовались и гордились. Ему были подвластны серьёзнейшие раздумья о проблемах творчества Сергея Есенина и Николая Рубцова, Юрия Кузнецова и Бориса Рыжего, Михаила Попова и Владислава Артёмова, Захара Прилепина и Сергея Шаргунова, Юрия Козлова, Александра Леонидова и других современных авторов.

Его поэтические и критические произведения регулярно публиковались не только в нашем «Дне литературы», где за последние пять лет было размещено более тридцати его работ, но и в ряде других известных столичных и региональных литературных изданий.

В «Дне литературы» лежат несколько его исследовательских критических работ, которые мы ещё не успели опубликовать, но обязательно это сделаем. К сожалению, теперь фотография автора будет стоять в них в траурной чёрной рамке.

Светлая память человеку, так остро и глубоко понимавшему и принимавшему русское литературное творчество.

Валентина Ерофеева

Валентина ЕРОФЕЕВА

Человеческая «позиция смирения»

Памяти Валентина Курбатова

Валентин Яковлевич Курбатов… Вот так – одномоментно, скоропостижно взял и покинул нашу земную обитель. Странно, мистически остро и болезненно пронзило именно в эту его одномоментность ощущение образовавшейся трагической пустоты. Длилось оно доли секунды, сразу же резко удалось отогнать, отбросить его, казалось бы, на пустом месте возникшее. В страхе, почти ужасе подумалось, неужели кто-то умер?! Близкий, родной, кровный…

А утром – некролог из Пскова от Игоря Смолькина. «Не стало Валентина Яковлевича Курбатова! Он покинул нас…». И одномоментность ожила, наполнилась драмой потери. Неужели это был его прощальный мощнейший импульс – выброс энергии любви к покидаемому миру. Импульс, который уловили те, кто смог, кто был созвучен ему именно в эти мгновения ухода…

Более двадцати публикаций Валентина Курбатова прошло в нашем издании за последние семь лет. И это при том, что он везде, во всех газетах и журналах был нарасхват и не любил дублировать, повторяться.

О своих друзьях-товарищах по литературному цеху он писал целые лиро-эпические полотна. Вот фрагмент из «баллады» о Викторе Лихоносове, к его 80-летию приуроченный, фрагмент воспоминательный:

«Впервые с Виктором Лихоносовым мы перекинулись словом без малого пятьдесят лет назад. Мы ещё не нажили тогда отчества, были молоды и нетерпеливы. Он напечатал в 1973-м году нежную романическую повесть «Элегия» – о Пушкине, о Тригорском семействе Прасковьи Александровны Осиповой, где ему «всё что-то шептало, кружило голову, говорило о блаженстве, о грации жизни» и где «чем песеннее, волшебнее звучало чужое, тем обделённее воображался себе он сам»… Ну, а уж известно, что нашему брату, живущему в соседстве с Михайловским, всякое чужое слово о «нашем» Александре Сергеевиче кажется самонадеянным, и мы, снисходительно похвалив намерение, ревниво пускаемся отыскивать слабости. А поскольку совершенен только Бог, конечно, находим…

Впрочем, больше я всё-таки был пленён светом повести и внутренней близостью миропонимания, и если добавил в своей газетной заметке в лавры капельку уксуса, то чтобы только не забыть, что критик же! И послал заметку Виктору в тайной надежде знакомства, а, может, и дружбы – не может же он не заметить по интонации статьи близости сердца, а уксус, Бог даст, сочтёт за братскую принципиальность.

Ответ не замедлил явиться, но поскольку мы уже знали от Пастернака, что «не надо заводить архивов, над рукописями трястись», я благополучно потерял письмо. Как потом при разных переездах десятки других дорогих писем, о чем уже поздно сожалеть, разве только призвать товарищей воспротивиться тезису поэта об архивах. Заводите и трясите, ибо это не наше частное дело, а *общая память культуры*!

Помню только, что ответ был сдержанно холодноват, но оставлял возможность следующего письма, чем я и воспользовался. И мы наперебой заговорили о Бунине и Зурове, Зайцеве и Адамовиче, о парижской ветви изгнанничества (а Виктор с Зайцевым переписывался, а Адамович так даже и писал о нём с большей зоркостью, чем мы, дураки, потому что ему не надо было доказывать что он «критик»). А скоро мы и без переписки могли слышать сердце друг друга, потому что часто виделись на разных писательских «мероприятиях»» *(denliteraturi.ru/article/1653)*.

Прости, читатель дорогой, за это длинное воспроизведение, но и интонация, столь трогательная и бережная, и содержание – эта классика, корнями уходящая в лучшие традиции как русской критической мысли, так и русского эпистолярия, – настолько характерны для стиля Курбатова, что показать это хотелось на долгом, раздумчивом отрезке. Мне видится, что именно в этом фрагменте оптимально высвечивается весь Курбатов – человек и критик. А какова лексика! *«…напечатал… нежную романическую повесть»*, и далее цитаты из «нежной романической» – упоительные, созвучные и Поэту, о котором пишется Лихоносову, и самому критику, с лёгкой самоиронией приструнивающему свою прыть в том, что, *«снисходительно похвалив намерение, ревниво пускаемся отыскивать слабости»*, добавляя в *«газетной заметке в лавры капельку уксуса»*, *«чтобы только не забыть, что критик же!»*.

А эта осиянная пленённость *«светом повести и внутренней близостью миропонимания»*, ощущение *«близости сердца»*, которое и *«уксус, Бог даст, сочтёт за братскую принципиальность»*.

А? где? – у каких ещё таких критиков современных столь мощная готовность возлюбить, воспарить: и *«скоро мы и без переписки могли слышать сердце друг друга…»*. Литература стала другая, скажете вы. Да нет, есть и такая, которая восторгает степенью таланта, мысли, глубины чувствования. Есть! Но мы – ленивы и замусорены лавиной полуграмотной, вульгарно-нагловатой, нижеплинтусовой литпродукции. По большей части русскоязычной…

Замусорены… И проходим мимо шедевров.

Он отхлестал нас за это беспощадно в своём «Постскриптуме» *(«Свободное» общество и сакральное искусство». denliteraturi.ru/article/5140)*.

«Не знаешь – то ли улыбнуться, то ли опечалиться: чем неуверенее время, тем решительнее его *пост*упь – *пост*модерн, *пост*история, даже *пост*религия. Скоро уж, видно, и наша матушка-литература будет *пост*скриптумом, – с болью пишет Курбатов. – …Бедный «высокий стиль» заключили в иронические кавычки и исключили из обихода, с порога начертав на знамени обложки 18+, как знак новой общности «посвященных», как издалека ободряющий пароль: «свои!». Да и каким языком прикажете писать мир «сексуальных оторванцев, ангелов и стерв – по-босховски жуткий мир человеческих отношений», который являет, к примеру, Лера Манович в книге «Рыба плывёт» или Михаил Елизаров в своей «Земле» – долгом романе о смерти, о кладбищенском бизнесе, представленном так подробно, хоть свое ИП или кооператив открывай.

(Окончание – стр.2)

Максим ЕРШОВ

Как заржавела сталь

О романе Александра Леонидова «Апологет»

Летом 2020 года увидела свет объёмная работа писателя Александра Леонидова. Роману несколько повредило однозначное название «Апологет», сразу настраивающее на чёрно-белую картину мира. Это свод историософских рассуждений, итог долгих и, кажется, упорных размышлений автора о сути и происхождении власти в обществе и истории, о ценности и значении коммунистической идеи как мессианской идеи всемирно-исторического масштаба… Как и следует из названия «Апологет» – роман, прежде всего, социологический. И несмотря на то, что сюжет его содержит оккультно-мистическую линию, всё-таки и она служит делу открытого судебного разбирательства над той цивилизацией, в которой оказалось человечество сегодня – на рубеже ещё одного «бесславно прожитого тысячелетия».

Когда разговор приобретает определённую глубину и высоту, то собственно художественная составляющая, какова бы она ни оказалась в данном случае, на мой взгляд, отходит на второй план. В тексте романа есть места живописные и поэтические в классическом смысле этого слова. Но в целом (и это представляется оправданным) текст этот – *нормальный* прозаический текст, организованный по принципу соответствия своим идейным задачам. Писатель обратился с посланием к современникам, должно быть, не случайно опубликованном именно в «народном журнале» – «Роман-газете» *(№ 7-8, 2020 г.)*. И *его роман – это театр идей*.

В наши дни, когда течение событий и ход вещей в мире не может не волновать всякого, кто всё ещё задумывается о будущем, подобные идеологические или социологические (поскольку одно вытекает из другого) романы и повести становятся нормой.

Театры идей превратились в закономерность для общества – российского или шире (поскольку и это тоже вытекает), осознающего собственное *впадение в глубокий духовный кризис*. Поэтому собственно литературная составляющая «Апологета» может быть оставлена нами без пристального внимания.

Само действо начинается с крупного разговора между известным и славным доныне режиссёром Михаилом Сергеевичем Нахалковым и тем самым доктором Левоном Глыбяном. В середине 1970-х режиссер, который «тоже интересовался правдой жизни – в перерывах между получением престижных премий», в котором «от фильма к фильму всё больше барства, всё больше от латифундиста», пришёл к доктору как последнему живому свидетелю одной кровавой истории времён Гражданской войны. Историки и сценаристы спорят, кто же на самом деле вырезал раненых белогвардейцев в госпитале: сами белые или внезапно налетевший красный отряд? И только лишь пятилетний Левон видел всё собственными глазами. Александр Леонидов дал хорошую сцену.

(Окончание – стр.6)

Игорь СМОЛЬКИН (Изборцев)

Не плачь, душа моя!

На смерть Валентина Яковлевича Курбатова

Еще утром шел снег, а к полудню прояснело, установилась ясная морозная погода. Наступил десятый день весны, но февраль вернулся и накрыл белым снежным саваном Псков и его окрестности. Орлецовский погост утонул в сугробах и если бы снег не расчистили, траурной процессии пришлось бы ох как непросто добираться до нужного места…

Россия провожала в последний путь своего верного сына, свою гордость, великого мастера слова – Валентина Яковлевича Курбатова. Это ему, выросшему на Урале, беззаветно любившему русскую зиму, природа подарила настоящий зимний полдень – последний полдень под высоким небом Отечества.

«Я завидую вашему снегу, – писал он Леонарду Дмитриевичу Постникову. – У нас все дождь и слякоть, за которыми не видно приближения Нового года. Мама у меня в Пскове полгода пожила – нет, говорит, не могу больше, давай в Чусовой. Уехала, звонит довольная: снегу по колено!».

По заснеженной аллейке, задевая отсыпанные по бокам снежные гребни, идет траурная процессия. Впереди плывет крест – настоящий, дубовый, чтобы, хотя это – не крест, а материал! – не прозвучало фальшивой нотой в финале оратории жизни Писателя.

Плывет над землей обдуваемый снежной пылью крест, пока еще земной, но уже превращающийся в Крест бесконечный, сотканный когда-то прежде из мыслей и слов…

Крест, который есть не только неудобоносимая ноша, но и награда: от него было даровано Валентину Курбатову тяжелое, но счастливое детство: «Жил… – вспоминал он, – при постоянно теплящейся в углу лампадке. Читать учился по церковной Псалтыри и Часослову».

И это осталось с ним от тех детских лет до последнего его дня: и чтение Псалтыри в Троицком соборе, когда в шестидесятые приехал в Псков, и те же чтения в городских храмах в двухтысячные, и последняя для него Псалтырь, чтомая над его телом восьмого-девятого марта 2021 года…

За крестом несут подушечку с главными наградами его земной жизни: знаками лауреата Государственной и Патриаршей премий, Орденом Дружбы, медалью Пушкина…

Впрочем, многое ли уместится на одну подушечку? Орденов и медалей у Курбатова было не счесть. По заслугам! Он с юности спешил жить, делал это стремительно, не жалея силы, не экономя энергию сердца! «Душа летела, гнала ненасытная юность, – писал он. – Бедные дети столичных окраин и малых городов, мы думали взять культуру штурмом, догнать великую традицию нетерпеливым схватыванием всего понемногу…».

Он не просто жил, он шаг за шагом входил в русскую литературу, в культуру, в пространство бытия великой страны, преображая его упорством, трудолюбием, умом, красотой своей души.

В 1978 году Курбатова приняли в Союз писателей, где он стал членом советов по критике «большого» (СССР) и «малого» (РСФСР) писательских союзов. И далее его перо не уставало скользить по бесконечному писчему листу, создавая в его вселенной волшебные узоры из мыслей и слов, догадок и прозрений, открытий и констатаций. Его называли критиком. Он соглашался:

«Диагноз был верен, – писал он. – Как все критики я не доверял слову, рождённому одним чувством, одной интуицией, и потому не был поэтом. Как все критики, я не доверял чистой мысли, жалея приносить ей в жертву сопротивляющееся сердце, и потому не был философом. Как все критики, я торопился договорить предложения до точки, не оставляя ничего на догадку и сердечное сотворчество читателей, и потому не был прозаиком…».

Под его пером, в подтвержденье звания критика, рождались книги: 1977 год – «Виктор Астафьев: Литературный портрет»; 1986 – «Михаил Пришвин: Жизнеописание идеи»; 1987 – «Евгений Широков: Портрет на фоне портрета». И это было только начало…

Движется траурный ход. За наградами следует первый венок – от администрации области – самый большой и значимый…

Вечная тема – художник и власть. Сколько вокруг этого сломано копий? А сколько судеб? Можно, заигрывая и прислуживая, взметнуть себя вверх, а можно, на антитезе, низринуться в пропасть. Курбатов и здесь нашел верный путь. О чем искренне, нелицемерно болело его сердце? О вере, народе, о России. Об этом он писал, об этом говорил с властью – без пафоса, высоких слов, без фальши. Кому, как ни ему, христианину, было известно, что всякая власть от Бога (либо в награду, либо в наказание за грехи). Но и здесь он не играл в поддавки – это было не в правилах его совести. В плохом нельзя быть советчиком и помощником, это противно учению Христову! Во время одной из публичных встреч с президентом он без оглядки вступил в спор с главой государства. Надо было видеть вытянутые лица присутствовавших при этом чиновников…

«Богатое – все больше наглеет, – писал Валентин Курбатов, – бедное летит в пропасть, и слово Россия уже одно только географическое слово без языковых, государственных, нравственных, духовных границ, что-то туманно-расплывчатое, про что детям уже не расскажешь. Мы как-то привыкли жить в России, не определяя ее, не подыскивая слов (как же описывать дом?), а вот выгнали нас, надо стало назвать где мы жили, а мы и не можем. Так чего-то… руками машем на Аринину гору, на черемуху и рябину. А они не понимают, у них родина-то в телевизоре, где живут одни бандиты да дураки, да где Познер и Сванидзе из нас шутов делают».

В небе над застывшим морозным полднем завиваются черные вихри птиц, пути некоторых пересекаются, образуя большие и маленькие кресты. Наверное, птицы что-то кричат, но мы внизу не слышим, мы поем: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас…» – раз за разом.

За первым венком следует второй – от деятелей культуры региона. От них бы не венок, целый памятник следовало бы нести, но где уж им?

Тема Пскова, его истории, святынь, его лучших людей без пауз звучала в творчестве Писателя. В девяностые-нулевые на книжные полки выстраиваются его новые книги: в 1996 году – «Домовой: Семён Степанович Гейченко: письма и рассказы»; 1998 – «Юрий Селиверстов: судьба мысли и мысль судьбы»; 2003 – «Перед вечером, или Жизнь на полях». А сколько выходит фильмов? Сколько телепередач?

На погребение Валентина Яковлевича Курбатова, члена Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов, съемочная группа ГТРК не приехала. Времени не хватило? Денег? Бензина? Или воли руководства?

Четвертый венок – от Союза писателей России. Потому, что Курбатов все еще – член Академии российской словесности, секретарь и член правления СП России; он еще входит в состав редколлегий журналов «Литературная учеба», «День и ночь», «Дружба народов, «Роман-газета» и многих других; он член Президентского Совета по культуре, лауреат премии им. Л.Н. Толстого, лауреат Горьковской и Новой Пушкинской премий. Лауреат Патриаршей премии и православной литературной премии имени Александра Невского и множества других. И автор многих книг, вот лишь некоторые – «Крест бесконечный», «Батюшки мои», «Наше Небесное отечество», «Уходящие острова», «Нежданно-негаданно», «Пушкин на каждый день»…

Президент в соболезновании родным и близким покойного назвал Валентина Яковлевича Курбатова талантливым, неординарным, очень ярким человеком, посвятившим себя сбережению и развитию лучших традиций отечественной литературы.

А Святейший Патриарх Кирилл сказал: «Прекрасный прозаик и один из лучших литературных критиков России, Валентин Яковлевич многие годы посвятил изучению отечественной словесности XIX-XX веков.

Мне довелось лично знать почившего. Будучи глубоко верующим человеком, стремившимся жить по Евангелию и при любых обстоятельствах старавшимся следовать высоким нравственным принципам в профессиональной и общественной деятельности, Валентин Яковлевич своим творчеством и самим образом жизни словно соединял прошлое с современностью, убедительно свидетельствовал о красоте и истинности Православия»…

Следующим несут венок от коллег и друзей – псковских писателей. И я берегу зреющее в уме прощальное слово, которое скажу позже у гроба ушедшего в вечность старшего товарища и друга…

Тем временем путь процессии завершен. Гроб установлен на заменяющие лафет опоры. Присутствующих пленит святая минута молчания…

Но приходит время говорить. Первыми это делают представители региональной власти.

За ними слово берет председатель Союза писателей России Николай Федорович Иванов. В голосе его звучит волнение. Подчеркнув значимость творчества Курбатова, он сообщает, что в Ботаническом саду Москвы планируется в день Святой Троицы высадить березовую рощу в честь первых руководителей Союза писателей и лауреатов Патриаршей премии, одно из деревьев будет посажено в память о Валентине Курбатове. Береза же выбрана, как воспетый поэтами символ России!

Теперь я. Тоже волнуюсь. Обнимаю вдову Курбатова Инну Федоровну. Она сегодня – пример мужества и стойкости для всех. Смотрю на нее, их сына Всеволода, родных, близких. Наконец, перевожу взгляд на лицо дорогого для всех нас человека. Говорю…

– Ушел в путь всея земли Валентин Яковлевич Курбатов. Боль утраты переполняет сердце и от избытка сердца глаголют уста. Наши слова сегодня – о невосполнимости утраты, о непреходящем значении его служения… Служения в том высоком смысле, о котором, применительно к художникам, говорил Иван Ильин.

Сейчас для нас невозможно дать объективную оценку глубины этого служения – слишком сиюминутна, непритязательна, бескрыла наша точка зрения. Хорошо бы было взглянуть с позиции вечности, но кто там побывал, кроме апостола Павла? Это он был восхищен до третьего неба и до конца жизни искал слова, чтобы объяснить увиденное.

В восьмой главе послания к Коринфянам он говорит: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом… Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых».

Вот, в чем суть служения Валентина Яковлевича Курбатова, который сумел реализовать себя среди, казалось бы, непримиримых мировоззрений.

Для патриотов он стал патриотом, для либералов – либералом, для православных – православным, для агностиков – агностиком. Так он доносил до каждого ту высокую истину, знание, то благое и доброе, что вверил ему Бог.

Сейчас мы предаем земле его тело, говорим прощальные слова, а он на третий после смерти день уже был представлен пред лицо Божие, и, быть может, спросил:

– То ли, Господи, я делал, что Ты ждал от меня?

Мы не можем знать, что изрек ему Господь. Но думается, слова могли бы быть такими:

– То, верный раб мой Валентин! Именно то ты и делал!

Царствие тебе Небесное, дорогой Валентин Яковлевич! Вечный покой!

* * *

В гробу лежит человек, он, словно, живой. Лицо его светло, он просто прикрыл глаза, в раздумье. О чем думает? Быть может, о заснеженном Уральском хребте, о древних горах его детства? Или о том, что написал однажды: «Только и держишься старым правилом матери Терезы: «Сделаешь добро – отплатят злом, делай его все равно; простишь – тебя обвинят в высокомерии, все равно прощай; будешь успешен – позавидуют и возненавидят – все равно старайся. Помни: то, что бы ты ни делал, не нужно никому, кроме тебя и Бога».

А теперь и остались только он и Бог! Только он и вечность!